
ЕЛЕНА
ГРАСС
БЫВШИЕ
МЫ НАЛОМАЛИ ДРОВ...

Елена Грасс

Бывшие. Мы наломали дров...

https://litres.ru/74964269
SelfPub; 2026

Аннотация

— И как ты планируешь жить без детей? — пока друг спрашивает меня об этом, его ребёнок скачет рядом. Невольно улыбаюсь. — Посмотри, как мой сын липнет к тебе! Ты же прирождённый отец.

— Матвей, закроем тему, — настроение мгновенно портится.

— Зря ты так, — не соглашается со мной. — Вы с Алёной как два упрямых барана, твердите, что можно прожить и без детей. Но это неправда.

Я устал от этих разговоров. Мать клюёт, брат со своими тремя смотрит на меня глазами, полными сочувствуя. И ещё Матвей начинает.

— Помнишь Татьяну из Сумы? — не понимаю, к чему он говорит про девушку, которую мы вывозили с остальной группой. — Она про тебя все уши прожужжала. Эта блондиночка осталась работать в нашей столовой, и каждый раз, когда я вижу её, спрашивает о тебе.

— И что? К чему ты это говоришь?

Друг поднимает сына на руки и тихо говорит:

— Стас, у тебя, в отличие от Алёны ещё есть время! Ищи себе другую и разводитесь! Да, понимаю, отпускать тяжело, но со временем любая боль притупляется.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 25
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Елена Грасс
Бывшие. Мы наломали дров...

Глава 1

От этого въедливого запаха меня буквально выворачивает наизнанку. Кажется, ещё немного — и начнётся настоящая аллергическая реакция.

И надо же, какая горькая ирония! Я ведь сама медсестра, а этот дух хлорки, спирта и стерильности последнее время вызывает во мне только глухую ненависть и подкатывающую к горлу тошноту.

Знай заранее, с каким омерзением и злостью я буду переступать порог клиники, ни за что на свете не пошла бы в медицину.

Все доктора, через чьи кабинеты мы прошли, в курсе моего образования. Для них я коллега, пусть и со средним дипломом, а значит, церемониться незачем.

Никто даже не пытается сгладить углы, подобрать щадящие формулировки или хотя бы сымитировать сочувствие.

Вот и сейчас седовласый профессор привычно и сухо сыплет сложными диагнозами и латынью, а я машинально киваю

с непроницаемым лицом, делая вид, что хладнокровно держу удар и полностью согласна с его вердиктом.

Рядом сидит муж.

Он сосредоточенно переводит взгляд с моего каменного лица на профессора, тщетно пытаясь уловить смысл врачебной терминологии, но я догадываюсь: он ничего не понимает.

Однако, я уверена: ему и не надо понимать. Главное он понял: детей у нас, вероятнее всего, не будет. И этого вполне для него достаточно.

Сколько раз я была уже в подобных кабинетах за три года? Не помню. Со счёта сбилась.

Сначала я ходила одна, потом уговорила пойти со мной Стаса.

А теперь у нас уже и не встаёт вопрос: мы идём вдвоём или я иду одна.

Я просто говорю ему о дате очередного приёма, он отпрашивается у командира на несколько часов, и мы молча идём к очередному доктору.

Я благодарна ему за то, что он никогда не ищет причин, чтобы сбежать от подобных походов и оставить меня одну.

Привычно сижу на самом краешке кожаного кресла, вжав плечи в шею, и думаю, что это последний визит к врачу — репродуктологу.

Поднимаю глаза на врача и пытаюсь поймать ускользающую нить разговора.

— Вы всё поняли?

— Да, конечно.

— Тогда, уверен, ничего нового я вам не скажу, — кивает он в сторону толстой папки с нашими анализами.

В это папке наша жизнь за три года: результаты генетических тестов, гормональные профили, ультразвуковые протоколы, гистероскопия…

Это десятки листов, исписанных латинскими терминами, цифрами и аккуратными галочками в графах, где совершенно дико в нашем случае звучит слово «НОРМА».

— Да, мы готовились к этому, — тихо говорю я. — Спасибо, что уделили нам время.

— Не благодарите. Не за что. Я ничем вам не помог, — он равнодушно откидывается на спинку кресла, складывая пальцы домиком, и пристально смотрит то на меня, то на моего мужа.

— Почему вы так на нас смотрите? — решаюсь на прямой вопрос.

Профессор несколько секунд молчит.

— Ребята… Я знаю, вы уже устали от слов, что у вас абсолютно прекрасные анализы, никаких органических патологий, а гормоны как по учебнику. Однако я всё равно вам скажу, что думаю. Позволите?

— Говорите! — одновременно позволяем и я и Стас.

— Объективных причин для волнения у вас нет.

Когда профессор заявляет нам подобное, мы сразу же пе-

реглядываемся.

Вижу, как муж сжимает кулаки и опускает лицо. Злится. Сильно. Но всё равно сдерживается и не вступает в полемику с доктором.

А я вот, в отличие от него, сдаюсь. Я не говорила подобного ни разу, но теперь хочется.

— Но как же нет, если я уже три года не могу забеременеть? — мой голос звучит надломлено.

Теперь мы поменялись местами. Стас вроде как равнодушен, спокоен, а я злюсь на врача за эту речь, за попытку доказать нам, что у нас всё отлично, и за ту надежду, которую мы уже ненавидим.

Да, да, именно так. Люди живут надеждой, а наша маленькая семья её ненавидит!

Пока доктор хмурится от моего возмущения, я закрываю глаза и представляю, как этот профессор выводит в карточке слова: «Беременность невозможна» и ставит большую, жирную точку.

Но мне, если честно, теперь уже кажется, что так было бы проще!» Ведь если бы этот светила медицины, к которому мы так стремились попасть, сказал нам, что у меня или мужа обнаружена какая-то патология или болезнь, нам хотя бы всё было понятно. Понятно, что это нужно лечить!

А здесь? Что при этом его вердикте об идеальности наших органов будем лечить мы?!

Муж улавливает моего гнева вспышку мгновенно. Он

слишком хорошо меня знает. Реагирует по-армейски быстро.

Его тёплая, широкая ладонь накрывает мои дрожащие пальцы, осторожно сжимая их и следом переплетая свои пальцы с моими. Он словно говорит мне без слов: стоп! Мы договаривались!

Перевожу на него взгляд и чуть заметно киваю.

Пока мы ведём разговор без слов, профессор тем временем вздыхает и продолжает:

— Да, согласен, три года — срок немалый. Но поверьте, некоторые пары и по десять лет пытаются, а потом рожают прекрасных малышей.

Теперь замирает Стас. Я чувствую, как его пальцы на моей руке мгновенно становятся напряжёнными.

— Простите, доктор, но эта странная шутка… Она не очень кстати.

— Это не шутка. Я говорю вам то, что знаю по собственному опыту. А если я обидел вас подобным примером, прошу извинить меня.

Теперь мы молчим всё втроём.

Жду, что врач отдаст нам документы, попрощается и поспешит уйти, но он никуда не торопится. Не знаю, из-за уважения к нам или просто ему некуда спешить.

— Уважаемые, я вижу, что вы… расстроены. И я, старый болван, глупость сморозил. Но случаи бывают разные. И чудеса... Они случаются.

— Вы врач. Вы не можете верить в чудеса.

— Разве? — снимает профессор очки. — С чего такие выводы?

— Потому что… — вижу, Стас хочет вступить с ним в полемику.

Но зачем ему это? Что и кому он хочет доказать? А может быть, он хочет услышать про те самые чудеса?

— Подожди, Стас… И что же нам делать? — вмешиваюсь в разговор профессора и мужа.

Тот переводит взгляд на меня и надевает очки обратно.

— Вы правда хотите услышать моё мнение? — недоверчиво спрашивает.

— Да, хочу.

— Но вы же не верите…

— Говорите! — более жёстко говорит Стас.

Глава 2

— Скажу. Но только не принимайте мой совет в штыки. Вам нужно продолжать пытаться. Просто продолжать жить и пытаться. Но не доводить это до фанатизма. Вы понимаете, о чём я?

— Доктор, а можно не эфемерными выражениями, а как – то более понятно? Я солдат и мне нужно прямо и конкретно!

— Так я и говорю! И прямо, и конкретно! Говорю, чтобы вы жили и занимались любовью. Но именно любовью, а не попытками зачать ребёнка.

Последние слова он произносит мягче, однако я прихожу в смятение.

Кажется, словно этот доктор знает нас лично, и знает, чем мы занимаемся по ночам. Мы ведь на самом деле давно перестали заниматься любовью. Теперь это больше механика.

Стас, услышав эти слова, заметно вздрагивает. Я поворачиваю к нему лицо, но он в ответ теперь уже на меня не смотрит.

Он переводит взгляд на стену, где висит выцветший плакат с изображением женской репродуктивной системы. А там, поняв, о чём плакать, совершенно без всякого стеснения достаёт телефон и пишет кому-то сообщение.

— Доктор, вы видели, сколько мне лет?

Он не отвечает. Вместо этого листает в начало карточки

и, увидев, что мне уже чуть больше тридцати, хмурится.

— Вижу.

— И вы говорите: нам нужно просто продолжать жить и пытаться?

— Я настаиваю на этом.

Да, вероятно, когда доктор говорил это впервые, он не учёл наш возраст. А теперь ему отступать некуда, кроме как повторять то, что он сказал ранее.

Понимаю его: мы для него лишь работа и очередные пациенты. Но для нас — это наша жизнь, которая у нас одна и другой не будет.

— Скажите... Если уж вы сами о чуде заговорили, в вашей практике оно часто случается? — я перехожу к той теме, на которую даже не планировала разговаривать. Но мозг цепляется за любые попытки ухватиться за надежду иметь детей от любимого человека.

— Алён… — игнорирую то, как Стас пытается положить мне руку на плечо. — Прекращай.

— Случалось в вашей практике такое, чтобы... чтобы так и не получилось? Чтобы обследования идеальные, а детей у пары нет?

Доктор замирает. В его взгляде мелькает борьба между медицинской этикой и простой человеческой честностью.

— Вы хотите, чтобы я вам соврал или сказал правду? — теперь он говорит подчёркнуто мягко, осторожно взвешивая каждое слово. Кажется, наше напряжение уже искрит даже

в воздухе.

— Лучше правду, — жёстко и бескомпромиссно перебивает его Стас, отрываясь от телефона.

— Конечно, бывало такое и в моей практике.

— И как это объяснялось врачами? — продолжаю мучить профессора.

— Подобное называется «бесплодие неясного генеза». Физиологически оба партнёра безупречны, но оплодотворение или имплантация не наступают. Медицина не всесильна, мы до сих пор знаем о зарождении жизни далеко не всё. А иногда мне кажется, что медицина лишь… помощник. Алёна, вы же медик. Должны понимать…

— Алён, хватит.

Перевожу на мужа глаза. В его взгляде злость. А ещё усталость.

Наверное, на его месте другой бы уже давно бросил всё это, а он терпит. Только не знаю, насколько ещё его хватит.

— Спасибо, что уделили нам время, — произносит он и поднимается со стула раньше, чем я успеваю ещё что-либо сказать.

Он берёт меня под локоть, заставляя встать следом. Он уже откровенно намекает мне, что дальше этот разговор он терпеть не намерен.

Я оглядываюсь на доктора: тот всё ещё сидит за столом и смотрит на нас с сочувствием, которое мне сейчас совсем ни к чему.

Стас торопливо забирает бумаги, складывает их в папку и подталкивает меня к двери.

Я едва успеваю подхватить сумку и попрощаться.

— Зачем ты так? Мы недоговорили! — накидываюсь на мужа, как только дверь за нами закрывается.

— О чём ещё говорить, Алён? Что ты хочешь услышать? — Стас поворачивается ко мне, и я вижу, как на его лице проступают красные пятна. Челюсти напряжены.

С соседней скамейки на нас оглядывается женщина. Я замечаю это и сразу понижаю голос:

— Не кричи на меня.

Стас тоже замечает её взгляд и ему хватает выдержки не продолжать.

В своём отвратном настроении мне хочется сказать ему многое. Например, что он не имел права уводить меня, пока я не закончила разговор.

— Успокойся! Угомонись! Хватит! — говорит он заметно тише.

Кажется, мы оба сейчас как граната, отпусти чеку, и взорвёмся.

Муж берёт меня за руку и ведёт к выходу из клиники. Я не сопротивляюсь, я сама хочу побыстрее сбежать отсюда.

Проходя мимо ряда с сидящими женщинами и девушками, стараюсь не смотреть по сторонам.

Потому что знаю: стоит мне поднять голову, и я обязательно увижу нескольких дамочек с округлившимися животами.

Они будут сидеть в ожидании приёма, бережно поглаживать животы ладонями и улыбаться своим мыслям. Или мужьям. Или друг другу.

По характеру я не завистливая. Всегда искренне радовалась за других, когда узнавала об их положении.

А вот недавно неожиданно поймала себя на том, что мне всё труднее это делать.

Несколько дней назад знакомая прислала фотографию теста с двумя полосками. Я написала ей, как за неё рада, поставила сердечко, а потом долго сидела с телефоном в руках и смотрела на собственное отражение в потухшем экране.

И плакала, потому что в первую очередь подумала не о ней, а о себе и своей несчастной доле.

Я завидовала ей! И мне было стыдно в этом признаться даже само́й себе.

У выхода Стас отпускает мою руку, чтобы придержать дверь. Я прохожу первой и с облегчением вдыхаю прохладный воздух.

— Алён, зачем ты прицепилась к этому доктору? — наконец-то срывается муж. — Что тебе дадут эти пустые разговоры про чудо?

Я останавливаюсь и тоже больше не могу сдерживать эмоции.

— Я просто спросила.

— Тебе нравится мучить себя? — Стас идёт к машине, уже не пытаясь снова взять меня за руку.

— Нет, но…

— Тогда хватит.

— Согласна. Хватит! Не хочу больше ничего! Ни врачей, ни витаминов, ни анализов. Слышишь? Я больше не могу! С меня хватит.

Стас, не дойдя до автомобиля, останавливается и медленно оборачивается.

— И что ты предлагаешь? — неожиданно тихо спрашивает он. Настолько тихо, словно и не был зол пару секунд назад.

Глава 3

— Алён, ты молчишь... Говори! — Стас подходит вплотную.

Он останавливается так близко, что я вижу капли недавнего снега на воротнике его куртки.

Чтобы посмотреть ему в лицо, мне пришлось бы запрокинуть голову, а я этого не хочу. На моём собственном сейчас такое выражение, что лучше его не показывать.

— Ты сказала, что тебе всё надоело. А ещё, что не хочешь больше ничего. Ни врачей, ни витаминов, ни анализов.

Он перечисляет каждый из пунктов как список задач для своих подчинённых. Только на слове «не хочешь» чувствую, как его голос чуть дрогнул.

Его голос дрогнул, а вот мне самой рыдать хочется. В голос! Выть, как побитая собака. Только боль у меня не физическая, а душевная.

Потому что я на самом деле устала от всего. От таблеток, которые я долгое время принимала по часам. Будильника на шесть утра, чтобы успеть измерить температуру внутри организма, пока не встала с кровати. А ещё, чтобы он не видел, как я меряю эту температуру!

Я не стесняюсь Стаса, но после подобного точно уже никакой романтики не останется.

А ещё от календаря с кружочками, который я прячу под

стопкой рецептов, чтобы Стас лишний раз не смотрел на пустые клетки.

И так я живу три года. Не мы, а именно я! Да, ему тоже сложно. Но вряд ли так же, как и мне. У нас всё происходит по-разному. Я чувствую себя более ответственной. Потому что, если я забеременею, выносить и рожать нужно будет именно мне.

На его вопрос не отвечаю. Отворачиваюсь и упираюсь взглядом в ветки. Они голые, мокрые, чёрные на сером небе.

От этого вида тоска ещё сильнее.

— Алёна, я задал вопрос! — повышает голос Стас. — Не отворачивай лицо. Хватит прятаться от очевидных вещей.

Меня задевает слово «прятаться». Это я – то прячусь? Нет, я не прячусь! Я берегу нас обоих от того, что вот-вот вырвется наружу.

Он тянется к моему подбородку, но я не позволяю. Потому что, если он дотронется, я сломаюсь.

Но Стас упрям. Очень. Всегда. Во всём.

Вероятно, именно поэтому мы до сих пор вместе. Этот человек в любой ситуации идёт до конца. Даже если он понимает, что это ни к чему не приведёт.

Но в данном сейчас, как бы он ни старался быть упрямым, от него ничего не зависит. Выше головы не перепрыгнуть.

Словно проверяя наши нервы на прочность, снова мимо нас проходит беременная девушка. Она смеётся и что-то рассказывает по телефону. Вероятно, с мужем делится подроб-

ностями визита к врачу.

Стас старается не смотреть в её сторону, но я всё равно замечаю его быстрый взгляд на её животе. Он быстро переводит взгляд обратно, но понимает, что я всё видела.

Ну и кого он хочет обмануть? Меня? Ну хорошо, меня обманет. А себя?

— Алёна! Ты так и не ответила: что значит, ты не хочешь больше ничего?

Он касается моего запястья. Я снова отталкиваю его руку, резче, чем собиралась. Пальцы дрожат, поэтому я быстро прячу их, сцепив на груди.

— Ты всё понимаешь, Стас, — произношу тихо и заставляю себя поднять на него глаза. — Ты же так же, как я думаешь, правда?

— Нет, — он отвечает мгновенно, даже не дав мне договорить.

— Вот только давай без этого лицемерия, хорошо? Ты хочешь детей, я хочу детей. Но мы… вместе мы не способны родить ребёнка. Природа протестует.

— Не говори ерунды.

— В общем, я приняла решение. За нас двоих приняла.

— Дай догадаюсь, — хмыкает и делает это, на удивление, спокойно. И даже, как мне показалось — с усмешкой.

От этого смешка у меня по спине бежит неприятный холодок. Стас никогда не разговаривал со мной так, даже в самые тяжёлые наши дни.

— Да, всё правильно ты понял. Я хочу расстаться.

Слова звучат неуверенно, и я сама это отчётливо слышу.

— Врёшь.

— Нет.

Хотя, конечно, вру. Я люблю мужа, и расставание для меня будет маленькой смертью. Но я знаю — мы справимся. Не сразу, конечно! Не в этом месяце и, возможно, даже не в этом году. Но со временем обязательно справимся.

Боль притупится, рана зарубцуется, и однажды мы оба проснёмся утром без этой тяжести в груди. Допускаю такую реальность, что мы даже будем счастливы. Каждый по-своему.

На этот раз Стас отвечает не сразу. Он не говорит мне «да, давай, я согласен». Он и сам смотрит теперь куда-то в сторону, словно избегает встречи взглядами.

— В машину иди! — командует он. Голос чужой. — Нечего мёрзнуть. Трясёшься вся.

— Ты отвезёшь меня? — спрашиваю едва слышно.

— Мне надо на улицу…

— Нет. Ты поедешь домой. А если не поедешь, значит, я перекину тебя на плечо и понесу. А если сбежишь, значит, найду и запру. Алён, ты не слышала меня? Села! Хватит доводить меня! Мне твоих больниц достаточно.

— Моих? — задыхаюсь в возмущении.

Я вздрагиваю и молча иду к машине. Ноги не слушаются, но я всё равно заставляю себя идти. Я словно по плацу мар-

ширую. Каблуки цокают по асфальту слишком громко.

Стас открывает передо мной дверь и пропускает вперёд.

Салон автомобиля встречает меня теплом и тишиной и, кажется, становится чуть легче.

Муж пару секунд задерживается с моей стороны и потом хлопает дверцей. Дальше он садится в машину и следом дверь с его сторон закрывается так же громко, как и моя.

Мы остаёмся запертыми в этом маленьком пространстве, где некуда спрятаться друг от друга. Стас щёлкает на блокировку.

— Это зачем?

— У тебя гормоны от… гормонов шалят. Так будет лучше.

Несколько минут мы сидим молча. Двигатель тихо урчит, печка гонит тёплый воздух, но мне всё равно по-прежнему холодно. Слишком долго мы стояли возле машины на промёрзлом ветру.

Муж, словно стараясь отвлечься, достаёт телефон и что-то быстро печатает. Резко, с нажимом. Наверное, пишет кому-то по работе. Или друзьям. Или просто делает вид, что занят, лишь бы больше не говорить со мной.

Я отворачиваюсь к окну. Ничего за его пределами не ищу и не рассматриваю. Я просто не хочу, чтобы он видел мои слёзы.

— Мы едем или стоим?

— Сейчас. Пару секунд.

Дописав сообщение, он откладывает телефон. Вижу, как экран тут же гаснет.

— И что это было?

— Ты про что?

— Я про твою… тихую истерику.

— А тебе нравятся громкие?

— Знаешь, иногда мне кажется, что лучше бы ты пошвырялась посудой, вцепилась мне в волосы, накинулась на меня с кулаками, придумав, что я это заслужил. Чем... так.

Представляя всё то, что говорит Стас, я не могу сдержать улыбки. Закусываю губу, чтобы не начать улыбаться широкой улыбкой.

— Так заслужи, и я тебе устрою, — мой муж понимает, что я шучу, потому что я, даже не глядя на него, чувствую, как он тоже улыбается.

— Надо подумать над этим… Идея неплохая.

— Стас, я очень люблю тебя, но ты мужчина. И ты не понимаешь… — скатываемся опять в привычную и такую уже ненавистную тему.

— Чего я не понимаю, Алён?

— Предназначение женщины…

— Я всё понимаю.

— Но как мы дальше будем жить, если… — не заканчиваю. Не могу сказать это вслух.

До встречи с этим профессором я запрещала себе такие упаднические настроения, но теперь я больше не хочу. Я же

живой человек, и теперь я, потеряв последнюю надежду на материнство, отпускаю себя.

Я снова закусываю губу, но теперь чтобы не плакать. Крепче сжимаю пальцы на коленях.

Стас больше не спорит. Вздыхает. Молчит.

— Опять перчатки потеряла?

— Что?

— Перчатки, — кивает в сторону рук. — Опять потеряла?

— Да. Одну.

Он прав: пока мы стояли на улице, мои руки замёрзли окончательно. От холода они стали ярко-красными.

Стас берёт их в свои. Его большие горячие ладони начинают растирать мои пальцы, и от этого тепла по коже бегут мурашки, колючие и болезненные. Мои маленькие ладошки почти целиком тонут в его больших руках.

— Растеряха, — говорит тихо, следом дуя на них.

— Да. Вот такая я у тебя невезучая.

Когда он склоняется надо мной, мне вдруг очень хочется погладить его по голове. А ещё поцеловать его, но не в губы, а в щёки. Они тоже у него от мороза стали красными.

Он сейчас кажется мне роднее всех, кого я знаю. Даже мама с папой так обо мне не заботятся, как он.

— Вот такая ты у меня… глупая.

Обидеться бы на его слова, но не получается. Даже бросая мне это злое слово, я вижу, с какой нежностью он смотрит на меня. А ещё я чувствую, как он устал. Он тоже ночь, как

и я не спал. Просто лежал рядом, отвернувшись к стене, и думал, что я не замечаю. Но его неровное дыхание выдавало его.

В животе начинает неожиданно урчать. Вчера перед встречей с профессором кусок не лез в горло. Вечером я пробовала запихнуть в себя бутерброд, но чувствовала себя так, словно во рту пережёвывала вату.

Под утро я всё-таки уснула и открыла глаза за двадцать минут до выхода. Умылась, оделась, застегнула куртку, а про завтрак даже не вспомнила.

— А ещё голодная, — начинает улыбаться. — Поехали. Буду тебя кормить.

Глава 4

— А как же работа?

Я задаю этот вопрос не случайно. Стас и опоздания — вещи несовместимые. За все годы нашей жизни он ни разу не задержался без веской причины. Но сейчас он даже не смотрит на часы.

— Подождёт, — в его голосе слышится то самое знакомое упрямство, и я понимаю: спорить бесполезно.

— Но тебе же сегодня нужно в часть?

— Алён, я всё сказал. Мы давно не были вместе. Едем или нет?

— Едем.

В кафе тепло, пахнет жареным мясом, свежей выпечкой, кинзой и терпким вином. В зале играет тихая ненавязчивая музыка. Для обеда ещё рано, народу немного, но он есть.

Стас помогает мне снять куртку, вешает её рядом со своей и пропускает меня к угловому столику у окна.

— Уютно здесь, — отмечаю вслух и оглядываясь по сторонам.

— Да, сослуживцы говорили, что здесь отлично кормят.

Благодаря тому, что вокруг нас люди, я немного отвлекаюсь от своих мрачных мыслей. Этот чужой живой шум создаёт вокруг нас уютную иллюзию нормальности и безопасности.

И в этот момент, мне кажется, будто с нами ничего критичного ничего не случилось, будто сегодня самый обычный будний день, а мы просто сбежали от дел посидеть вдвоём и вспомнить о том, как любим друг друга.

Пока я ухожу в уборную, муж заказывает наши любимые блюда и чай. Я не протестую. Он знает меня наизусть, точно так же как я его.

В тесной уборной пахнет лимоном. Я стою, глядя на себя в зеркало и долго мою руки. Отмечаю про себя, что следы бессонной ночи почти незаметны, и я ищу в этом маленькую радость.

Промокаю щёки бумажной салфеткой, поправляю выбившуюся прядь волос и строго договариваюсь сама с собой, что я не буду сидеть возле собственного мужа с кислой, похоронной физиономией, а постараюсь расслабиться и получить удовольствие от этого незапланированного выходного Стаса.

Выхожу к нему и замечаю, что он тоже улыбается мне. Да, и сейчас мы мыслим одинаково. Он тоже… притворяется.

Что же, сигнал принят. В очередной раз мы включаем программу «Не вижу. Не слышу. Ничего знать не хочу».

Когда нам приносят заказ: большой, истекающий расплавленным сыром хачапури по-аджарски и горячий чай с чабрецом, я понимаю, насколько я голодная.

Я беру вилку, аккуратно смешиваю желток с сыром, пытаясь не торопиться.

Следом идёт горячий суп. Беру ложку и смакую вкус. И

плевать, что ещё не полдень. Хватит жить по непонятно кем установленным правилам.

Чувствую на себе взгляд Стас. Поднимаю на него глаза.

— Что?

— Ты так вкусно ешь, — к своей еде он так и не притронулся.

— Не смущай меня.

Через несколько минут я, ощущая насыщение, понимаю, что Стас во многом был прав: нельзя поддаваться эмоциям. Даже если они заставляют думать, что всё безнадёжно.

— Что с отпуском? — ищу тему для разговора.

— Не знаю пока. График двигают, учения могут перенести на июль.

— Куда поедем?

— А куда ты хочешь? — Стас смотрит на меня с лёгкой полуулыбкой, но его пальцы нервно перебирают бумажную салфетку, сминая её в плотный шарик. И всё-таки он тоже нервничает.

— Может, на море? В горы? Туда, где совсем никого нет…

Мы оба стараемся говорить о чём угодно: об отпуске, о ремонте в коридоре, о машине, которой пора менять масло, но всё равно я чувствую, что Стас, так же как и я, не отпустил ситуацию. Это невидимое напряжение висит между нами в воздухе, словно натянутый до предела электрический провод.

Несмотря на наши попытки казаться беспечными, каждое

слово кажется искусственным, каждая улыбка — фальшивой маской.

Внезапно тишину нашего столика разрывает громкая трель смартфона. На экране высвечивается фотография его брата.

— Подожди, Ванька звонит, — Стас спешно смахивает по зелёной трубке. — Алло, да, Вань, привет.

Я замираю с чашкой чая в руке. Из динамика доносится звонкий, взволнованный и радостный голос невестки.

— Да, Ась, привет. Я думал, это Ванька.

Она что-то спешно говорит ему, тараторит без умолку, а Стас сначала молча кивает, глядя в окно, а потом вдруг резко переводит взгляд на меня.

Слышу, как на заднем фоне в трубке визжат и кричат дети, звенит посуда, звучит заливистый смех. Обычная, живая, переполненная детским счастьем суета дома, где растут трое малышей.

— Последнее повтори. Я не слышал, шумно у вас, — хмурится Стас.

Она снова что-то говорит ему, быстро и эмоционально, а муж продолжает неотрывно смотреть на меня.

— Ладно, я понял. Потом позвоню тебе. Но ничего не обещаю. Давай, целуй от нас всех.

Стас сбрасывает вызов, кладёт обратно на стол телефон и наконец-то принимается за свою еду.

Ещё пару минут назад он даже не притрагивался к ней, а

теперь пережёвывает каждый кусочек так старательно, словно надеется, что я не стану расспрашивать его о звонке.

Он методично отрезает ножом кусок мяса, отправляет в рот. Затем ест суп. Затем нарочито увлечённо изучает меню десертов.

Я жду, пока он закончит, и ничего не спрашиваю.

Наконец, муж начинает говорить. Сам. Но разговор его не о телефонном звонке.

Он рассказывает какую-то историю про своего сослуживца, про новую служебную собаку в части. Он старается по-прежнему держаться непринуждённо, улыбается уголками губ, но его глаза остаются отвлечёнными оттого, что он говорит.

Я не первый год знаю его. Понимаю, что эта внезапная болтливость выдаёт его с головой.

— Жена твоего брата звонила просто так или по поводу? — не выдерживаю я, прерывая его затянувшийся монолог о гарнизонных буднях.

Вилка в руках мужа замирает над десертом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.